

Mariana Enriquez
LOS PELIGROS DE FUMAR
EN LA CAMA

Полю и Чатвину, нашему котенку

Оставайся тут, пока я получу проклятие,
Чтоб придать ему козлиную голову.
Заставь его взглянуть, как я займу его место.
Ночь принесла ему кое-что похуже.

*Уилл Олдхэм¹,
«Вечер неудачника»*

---

¹ Американский актер, певец, автор песен. (*Прим. переводчика.*)

Экзюперианская ангелочка

Моя бабушка ненавидела дождливую погоду. Когда небо темнело, но с него еще не успевали упасть первые капли, она выносила на задний дворик бутылки и закапывала их до половины, горлышком вниз. Я выходила с ней и пыталась: бабуля, ну почему тебе так не нравятся дожди, ну почему? А в ответ — молчок, в руке лопаточка. Морщит нос, чтобы лучше чуют влагу в воздухе. Если дождь начинался, слабый или с грозой, бабушка закрывала двери, окна и добавляла громкости телевизору, заглушая шум капель и ветра — крыша дома была металлическая. Когда ливень совпадал с ее любимым телесериалом «Борьба!», никому не удавалось выудить из нее ни слова, ибо она была безумно влюблена в американского актера Вика Морроу.

А я обожала дождь; он рыхлил сухую почву и пробуждал мою привычку копать в земле. У меня получались такие колодцы! Использова-

О ПАСНОСТИ КУРЕНИЯ В ПОСТЕЛИ

ла я ту же лопаточку, что и бабушка: крохотную, вроде детского совка для пляжных игр, но из металла и дерева, а не из пластика. Земля в заднем дворике прятала осколки стеклянных зеленых бутылок с такими гладкими краями, что невозможно порезаться. Гладенькие, похожие на валуны или на мелкую пляжную гальку. Зачем они во дворике моего дома? Кто-то ведь должен был их там захоронить. В один прекрасный день я нашла овальный камешек размером с таракана, но кукарача эта была без лапок и усов. С одной стороны голыш был гладкий, а с другой — несколько зазубрин, как четкие черты улыбающегося лица. Обалдев от мысли, что это ценная реликвия, я показала находку папе, но он объяснил, что «лицо» получилось случайно. У моего отца трудно вызвать восторг. А еще я нашла черные кости с белыми точками, уже почти неразличимыми. И осколки матового, яблочно-зеленого и бирюзового стекла. Бабушка вспомнила, что стекляшки были когда-то частью витража старой двери... Иногда я играла с земляными червями, разрезая их на мелкие кусочки. Мне не нравилось видеть, как часть их тела корчится, а потом ползет дальше. Я думала: если хорошенько нарезать червя, как лук, полностью отделив кольца, тело не сможет восстановиться. Никогда не любила этих тварей.

А кости я нашла после ливня, превратившего землю во дворике в лужу грязи. Решила хранить их в ведерке, в котором переносила мои сокрови-

ща, чтобы омывать их в баке с водой. Похвалилась находкой папе. А он: это, мол, куриные кости, или ребра, или останки какого-то питомца, которого, наверное, давно похоронили. Может, собачьи или кошачьи. Но скорее — куриные, ведь давным-давно, когда он был маленьким, моя бабуля держала курятник во дворе.

Такое объяснение меня вполне устраивало, пока бабушка не узнала о косточках и не стала рвать волосы на голове, причитая «ангелица, ангелица». Впрочем, скандал длился недолго и утих под суровым взглядом папы: он терпел бабушкины, как он их называл, «суеверия», но лишь до определенных границ. Его неодобрение с трудом вынудило ее успокоиться. Она попросила у меня эти косточки, и я их ей отдала. Потом бабушка отправила меня в спальню, и я чуть-чуть разозлилась, не понимая, за что меня наказали.

Но позже, в тот же вечер, она позвала меня и обо всем поведала. Сестричка моей бабушки была, кажется, десятым или одиннадцатым ребенком в семье; она не уверена в счете, ведь тогда детям уделяли меньше внимания, чем теперь. Умерла девочка через несколько месяцев после появления на свет — от лихорадки и диареи. Поскольку она походила на ангелочка, ее завернули в розовую ткань, посадили на стол, украшенный цветами, и подперли подушкой. Приделали маленькие картонные крылышки, чтобы она легче вознеслась на небо, но не стали набивать рот лепестка-

О ПАСНОСТИ КУРЕНИЯ В ПОСТЕЛИ

ми красных цветов, потому что мать, моя прабабушка, была в шоке: ей казалось, что они похожи на кровь. Всю ту ночь танцевали и пели, пришлось даже выгонять пьяного дядю и приводить в чувство мою прабабушку, упавшую в обморок от плача и жары. Молельщица из индейцев пела псалмы, и единственной платой ей стали несколько лепешек с мясом.

— Это было здесь, бабуля?

— Нет, в Салавино, в Сантьяго. Ну и жарища стояла!

— Значит, эти кости не девочки, раз она умерла там.

— Они самые. Я взяла их с собой, когда мы переехали сюда. Не хотела оставлять, потому что она плакала каждую ночь, бедняжка. Я подумала, что если она плачет рядом с нами, то как же она зарыдает в одиночестве, брошенная всеми! Вот и привезла косточки. Положила в мешочек и закопала здесь, на заднем дворе, поглубже. Даже твой дедушка не знал. Ни твоя прабабушка, вообще никто. Просто я слышала ее плач. Твой прадед тоже, но он притворялся глухим.

— А здесь младенец тоже плачет?

— Только когда идет дождь.

Как-то я спросила папу, правдива ли история девочки-ангелочка, а он в ответ: бабушка уже слишком стара, вот и бредит. При этом он не вы-

глядел слишком уверенным, а может, ему было неловко. Вскоре бабушка умерла, дом продали, а я стала жить одинокой, без мужа и детей. У отца осталась квартира в Бальванере.

Я забыла об ангелице, пока десять лет спустя в грозовую ночь она не явилась к моей постели, рыдая.

Ангелочек, не похожий на привидение. Не парит в воздухе, лицо не бледное и платье не белое. Тело полусгнившее, говорить не может. При первом явлении я подумала, что сплю, и попыталась очнуться от этого кошмара. Но когда не смогла и до меня дошло, что все это происходит на самом деле, я закричала и заплакала, спряталась за простынями, зажмурившись и закрыв уши руками, чтобы ее не слышать. Ведь я еще не знала, что она немая. Но когда я вылезла из постели через несколько часов, ангелица еще была там, в лоскутах старого одеяла, накинутых на плечи, как пончо. Она указывала пальцем на окно, и я поняла, что наступил день. Редко можно лицезреть покойника белым днем. Я спросила, чего она от меня хочет, а в ответ — жестикуляция пальцем, как в фильме ужасов.

Я выбежала на кухню за перчатками для мытья посуды. Ангелица последовала за мной, будто демонстрируя свою требовательность. Но я не испугалась. Натянув перчатки, схватила ее за тоненькую шейку и сдавила. Конечно, не слишком разумно — пытаться задушить мертвеца, но не-

О ПАСНОСТИ КУРЕНИЯ В ПОСТЕЛИ

возможно же проявлять отчаяние и разумность в одно и то же время. Впрочем, она даже не закашлялась. У меня между пальцами остались кусочки разлагающейся плоти, ее трахея обнажилась.

До этого момента я не ведала, что передо мной Анхелита, сестра моей бабушки. Я ведь плотно закрывала глаза, надеясь, что видение исчезнет или что я проснусь наконец. Поскольку это не сработало, я оглядела ее всю и заметила на спине свисающие желтоватые лоскуты того, что было розовым саваном, а также остатки двух картонных крыльев с наклеенными куриными перьями. За столько лет они должны были исчезнуть, подумалось мне. Затем я в истерике рассмеялась и сказала себе, что у меня на кухне лежит мертвый ребенок, и это моя двоюродная бабушка, умеющая ходить, хотя и прожила лишь около трех месяцев. Надо было перестать думать о том, что возможно, а что нет.

Я спросила младенца, не моя ли она двоюродная бабушка Анхелита? (Официальное имя ее записать не успели, тогда были иные времена, поэтому и назвали родовым именем.) Так я обнаружила, что ангелица не говорит, но в ответ качает головой. Значит, бабушка сказала правду, решила я, кости — не из курятника, это косточки ее сестры, которые я выкопала, когда была маленькой.

Чего хотела Анхелита, оставалось тайной, потому что она лишь утвердительно или отрицательно качала головой. Но желала она чего-то очень срочного, потому что не только продолжала ука-

зывать пальцем, но и не оставляла меня в покое, ходила следом по всему дому. Ждала меня за занавеской, когда я принимала душ; усаживалась на биде, когда я испражнялась; маячила у холодильника, если я мыла посуду, и сидела у моего стула, если я работала на компьютере.

Первую неделю я жила обычной жизнью, полагая, что, может, это пик стресса с галлюцинациями, и все пройдет само собой. Я отпросилась на несколько дней с работы, принимала снотворное. Ангелица не исчезала, ожидая моего пробуждения у кровати.

Ко мне приходили друзья. Поначалу мне не хотелось отвечать на их сообщения, открывать дверь, но, чтобы друзья не беспокоились, я согласилась повидаться, сославшись на нервное истощение. Для них это не стало неожиданностью: они помнили, что я вкалывала по-черному. Ангелочка никто не заметил. Когда меня впервые посетила моя подруга Марина, я закрыла Анхелиту в чулан, но, к моему ужасу и отвращению, она выскользнула оттуда и уселась на ручку кресла, выставив уродливое, серо-зеленое гнилое лицо. А Марина ее даже не заметила.

Вскоре я вывела маленького ангела на улицу, и ничего не случилось. Если не считать того, что один сеньор мельком взглянул на Анхелиту, затем обернулся и снова посмотрел, и лицо его побледнело; наверное, скакнуло давление. А одна сеньора бросилась бежать и чуть не попала под автобус